

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ТЮМЕНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Сетевое издание

**№ 1 (68)
2025**

ISSN 2071-0437 (online)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:

Зах В.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Редакционный совет:

Молодин В.И., председатель совета, академик РАН, д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Добровольская М.В., чл.-кор. РАН, д.и.н., Ин-т археологии РАН;
Бауло А.В., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Бороффка Н., PhD, Германский археологический ин-т, Берлин (Германия);
Епимахов А.В., д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН;
Кокшаров С.Ф., д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН; Кузнецов В.Д., д.и.н., Ин-т археологии РАН;
Лакхельма А., PhD, ун-т Хельсинки (Финляндия); Матвеева Н.П., д.и.н., ТюмГУ;
Медникова М.Б., д.и.н., Ин-т археологии РАН; Томилов Н.А., д.и.н., Омский ун-т;
Хлахула И., Dr. hab., ун-т им. Адама Мицкевича в Познани (Польша); Хэнкс Б., PhD, ун-т Питтсбурга (США);
Чикишева Т.А., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН

Редакционная коллегия:

Дегтярева А.Д., зам. гл. ред., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Костомарова Ю.В., отв. секретарь, ТюмНЦ СО РАН;
Пошехонова О.Е., отв. секретарь, ТюмНЦ СО РАН; Лискевич Н.А., отв. секретарь, к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Агапов М.Г., д.и.н., ТюмГУ; Адаев В.Н., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Бейсенов А.З., к.и.н., НИЦИА Бегазы-Тасмола (Казахстан); Валь Й., PhD, О-во охраны памятников
Штутгарта (Германия); Зимина О.Ю., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Ключева В.П., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Крийска А., PhD, ун-т Тарту (Эстония); Крубези Э., PhD, проф., ун-т Тулузы (Франция);
Кузьминых С.В., к.и.н., Ин-т археологии РАН; Перерва Е.В., к.и.н., Волгоградский ун-т;
Печенкина К., PhD, ун-т Нью-Йорка (США); Пинхаси Р., PhD, ун-т Дублина (Ирландия);
Рябогина Н.Е., к.г.-м.н., ун-т Гетеборга; Слепченко С.М., к.б.н., ТюмНЦ СО РАН;
Ткачев А.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Хартанович В.И., к.и.н., МАЭ (Кунсткамера) РАН

Утвержден к печати Ученым советом ФИЦ Тюменского научного центра СО РАН

Сетевое издание «Вестник археологии, антропологии и этнографии»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций; регистрационный номер: серия Эл № ФС77-82071 от 05 октября 2021 г.

Адрес: 625008, Червишевский тракт, д. 13, e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru

Адрес страницы сайта: <http://www.ipdn.ru>

© ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2025

FEDERAL STATE INSTITUTION
FEDERAL RESEARCH CENTRE
TYUMEN SCIENTIFIC CENTRE
OF SIBERIAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

VESTNIK ARHEOLOGII, ANTROPOLOGII I ETNOGRAFII

ONLINE MEDIA

**№ 1 (68)
2025**

ISSN 2071-0437 (online)

There are 4 numbers a year

Editor-in-Chief

Zakh V.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Editorial Council:

Molodin V.I. (Chairman of the Editorial Council), member of the RAS, Doctor of History,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Dobrovolskaya M.V., Corresponding member of the RAS, Doctor of History,
Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Baulo A.V., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Boroffka N., PhD, Professor, Deutsches Archäologisches Institut (German Archaeological Institute) (Berlin, Germany)

Chikisheva T.A., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Chlachula J., Doctor hab., Professor, Adam Mickiewicz University in Poznan (Poland)

Epimakhov A.V., Doctor of History, Institute of History and Archeology Ural Branch RAS (Yekaterinburg, Russia)

Koksharov S.F., Doctor of History, Institute of History and Archeology Ural Branch RAS (Yekaterinburg, Russia)

Kuznetsov V.D., Doctor of History, Institute of Archeology of the RAS (Moscow, Russia)

Hanks B., PhD, Professor, University of Pittsburgh (Pittsburgh, USA)

Lahelma A., PhD, Professor, University of Helsinki (Helsinki, Finland)

Matveeva N.P., Doctor of History, Professor, University of Tyumen (Tyumen, Russia)

Mednikova M.B., Doctor of History, Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Tomilov N.A., Doctor of History, Professor, University of Omsk

Editorial Board:

Degtyareva A.D., Vice Editor-in-Chief, Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Kostomarova Yu.V., Assistant Editor, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Poshekhonova O.E., Assistant Editor, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Liskevich N.A., Assistant Editor, Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Agapov M.G., Doctor of History, University of Tyumen (Tyumen, Russia)

Adaev V.N., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Beisenov A.Z., Candidate of History, NITSIA Begazy-Tasmola (Almaty, Kazakhstan),

Crubezy E., PhD, Professor, University of Toulouse (Toulouse, France)

Kluyeva V.P., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Kriiska A., PhD, Professor, University of Tartu (Tartu, Estonia)

Kuzminykh S.V., Candidate of History, Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Khartanovich V.I., Candidate of History, Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
(Saint Petersburg, Russia)

Pechenkina K., PhD, Professor, City University of New York (New York, USA)

Pererva E.V., Candidate of History, University of Volgograd (Volgograd, Russia)

Pinhasi R., PhD, Professor, University College Dublin (Dublin, Ireland)

Ryabogina N.Ye., Candidate of Geology, Göteborgs Universitet (Göteborg, Sweden)

Slepchenko S.M., Candidate of Biology, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Tkachev A.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Wahl J., PhD, Regierungspräsidium Stuttgart Landesamt für Denkmalpflege

(State Office for Cultural Heritage Management) (Stuttgart, Germany)

Zimina O.Yu., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Address: Chervishevskiy trakt, 13, Tyumen, 625008, Russian Federation; mail: vestnik.ipos@inbox.ru

URL: <http://www.ipdn.ru>

ЭТНОЛОГИЯ

<https://doi.org/10.20874/2071-0437-2025-68-1-13>

УДК 728.61

Глушенко М.А.

Братский городской объединенный музей истории освоения Ангары, ул. Комсомольская, 38, Братск, 665717
E-mail: Gromov_1@mail.ru

ПЛОТНИЦКИЕ ТЕХНОЛОГИИ ПРИАНГАРЬЯ В КОНЦЕ XIX — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX в. ПО УСТНЫМ СВЕДЕНИЯМ СТАРОЖИЛОВ

Для изучения плотницких технологий наиболее ценным материалом являются устные сведения старожилов-плотников. В Приангарье такого рода источников было накоплено достаточно много в результате работ этнографических экспедиций с 1920-х гг. Поэтому для данного региона представляется возможным рассмотреть полную технологическую цепочку традиционного строительства в конце XIX — первой половине XX в. Приведено мнение самих старожилов о причине изменения плотницких технологий, времени появления новых инструментов и технологий, нормах выработки, а также о способах определения относительного возраста построек по конструкции и материалу. Систематизированная в статье устная информация о строительных приемах позволяет предположить, что уровень плотницкого ремесла зависел в первую очередь от изобилия ресурсной базы стройматериалов, а уже затем от доступности более передового инструментария. Исследование позволило также выявить единообразный комплекс строительных приемов, географические рамки которого могут быть шире рассматриваемой территории.

Ключевые слова: Приангарье, деревянное зодчество, строительная культура, ремесло, плотницкие технологии.

Ссылка на публикацию: Глушенко М.А. Плотницкие технологии Приангарья в конце XIX — первой половине XX в. по устным сведениям старожилов // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2025. 1. С. 165–172. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2025-68-1-13>

В Приангарье сохранилось довольно много произведений деревянного зодчества, большей частью относящихся к периоду с конца XIX до середины XX в. Заложённая в них избыточная прочность ещё долгое время позволит исследователям досконально изучать постройки. Но одних только материальных свидетельств о строительной культуре недостаточно. В изучении старинных технологий более важную роль играют устные сведения носителей культуры — знатоков этих технологий.

Описанию технологий строительства редко уделяется должное внимание при полевых исследованиях. Чаще всего этнографы и архитекторы ограничиваются краткими сведениями, по которым невозможно представить всю операционную цепочку строительства. В этом отношении Приангарью повезло: многочисленными экспедициями был собран богатый материал, состоящий из устных сведений плотников. Все они получены от русского старожильского населения, заселившего регион в XVII–XIX вв. Сведения от переселенцев, массово заселивших регион в самом начале XX в. [Глушенко и др., 2022, с. 206], и от других групп поздних переселенцев немногочисленны и не рассматриваются в данном исследовании.

Самые ранние сведения о плотницком ремесле региона находим в отчете сотрудника Красноярского подотдела Русского географического общества А.П. Ермолаева, совершившего обследование Нижней Ангары в 1911 г. [Царев В.В., Царев В.И., 2015]. Более пристальное внимание к плотницким технологиям связано с исследованиями в 1920-х гг. на территории современного Нижнеилимского района Г.А. Леонова, архивы которого были недавно опубликованы [Леонов Г.А., Леонова Т.Г., 2009]. Упоминает о технологиях строительства Б.И. Лебединский [1929], работавший в эти же годы на территории Верхнего Приангарья. В 1940-х гг. существенную часть Верхнего Приангарья исследовал И.А. Ащепков, он посвятил конструктивным приемам отдельную главу книги [1953, с. 251–263]. Однако технологический обзор выполнен целиком на анализе сохранившихся построек и не содержит устных сведений от самих мастеров.

Достаточно подробные описания предмета были сделаны Л.М. Сабуровой по материалам широкомасштабных этнографических исследований всего Приангарья в 1957–1960 гг. и 1962 г., когда еще можно было наблюдать за процессом строительства традиционных построек [Сабурова, 1967, 1971]. Дальнейшие экспедиции могли уже только собирать устные сведения, так как во второй половине XX в. традиционная архитектура почти целиком перестала воспроизводиться. В 1980-х гг. Е.Ю. Подсочина фиксировала такие данные в Богучанском, Кежемском, Чунском и Тайшетском районах у старожилов 1910-х гг. рождения. С 2013 г. преимущественно в Братском районе данную работу ведет автор статьи со старожилами 1930-х гг. рождения, являющимися последним поколением, в котором были носители традиционных плотницких технологий [Глушенко, 2017]. В целом собранные данные достаточно хорошо дополняют друг друга и позволяют описать плотницкие технологии Приангарья конца XIX — первой половины XX в. в той последовательности, в которой выполнялись строительные работы.

Плотницкое и столярное ремесло в исследуемое время уже разделялось. Преимущественно крестьяне нанимали для разных стадий строительства разных мастеров: для рубки срубов — «наугольщики» (у Л.М. Сабуровой — «поугольщики» [1971, с. 61]), для изготовления оконных рам и других отделочных работ — профессиональных столяров «отдельщиков» [Там же, с. 64], для украшения резьбой — резчиков [Глушенко, 2016, с. 121]. Сруб мог ставить и хозяин, а для остальной, более сложной работы он нанимал плотника [Леонов Г.А., Леонова Т.Г., 2009, С. 140]. Но надо заметить, что крестьянин мог обходиться и без посторонней помощи, занимаясь строительством и отделкой сооружений самостоятельно. В этом случае процесс постройки дома мог занимать до нескольких лет [Там же, с. 235, 164]. Для ускорения строительства старожилы нанимали себе в помощь одного-трех «поугольщиков» либо практиковали «помочи» [Там же, с. 164; Сабурова, 1971, с. 61]. К сожалению, по найденным материалам не удается выявить, на каких стадиях строительства и в каком виде применялись «помочи». Совсем в редких случаях нанимали профессиональных плотников, которые были в немногих селениях [Сабурова, 1967, с. 108–109].

Профессиональные плотники были далеко не в каждом селении [Сабурова, 1971, с. 60]. В 1920-х гг. этнографу Г.А. Леонову в деревнях верхнего течения р. Илим удалось выявить типичный портрет местного плотника. Как правило, плотники того времени, не объединяясь в артели, рубили в одиночку, лишь привлекали иногда помощников либо платно принимали учеников [Леонов Г.А., Леонова Т.Г., 2009, с. 235]. В поисках заказов плотники постепенно переходили на большие расстояния, нигде не задерживаясь подолгу. В Верхнем Илеме встречались плотники с Ангары и Лены. В результате таких странствий происходил обмен новыми веяниями в технологии строительства. Среди плотников также присутствовали ссыльные, которые зачастую вводили новые технологии [Там же, с. 160]. Интересно, что у некоторых плотников были отдельные предпочтения: например, один из илимских мастеров не любил рубить из мелких и средних бревен, даже амбары рубил из массивного крупнокалиберного леса [Там же, с. 200].

Для строительства употребляли в основном сосну, «для исподних видов» — иногда лиственницу [Там же, с. 164, 230], местами (д. Абакшино Нижнеилимского района) использовали кедр, но только для отделки [там же, с. 230]. Сосну делили на крепкий — «кондовый» и слабый — «мендашный» лес [Там же, с. 164]. У «кондового» кора краснее и толще, у «мендашного» — белее и «слабже» [Там же, с. 163]. У Л.М. Сабуровой понятие «кондовый» совершенно иное — «отличающийся большой толщиной (в обхват), с прочной толстой древесиной без сучков» [1971, с. 60]. Вероятно, плотники того времени знали и иные свойства леса, способствующие долговечности построек. В начале 1920-х гг. такой лес уже был редкостью на р. Илим: «Нынче лес слабительный» [Леонов Г.А., Леонова Т.Г., с. 165].

Старожилы Приангарья занимались лесозаготовкой весной [Глушенко, 2014, с. 20; 2015, с. 19; 2016, с. 139; Леонов Г.А., Леонова Т.Г., 2009, с. 164, 230; Подсочина, 1986, с. 11; Сабурова, 1971, с. 60; Майничева, 2013, с. 220]. По их мнению, лес в этот период легче рубить и окорять, а древесина получается крепче [Глушенко, 2016, с. 119].

При валке деревьев редко употребляли пилу, рубили топором [Леонов Г.А., Леонова Т.Г., 2009, с. 165, 202]. Топором один человек за день вместе с окоркой заготавливал 10–20 деревьев [Там же, с. 165]. При помощи пилы старались валить толстые бревна [Глушенко, 2016, с. 119]. Некоторые начинали окорять еще стоячее дерево, до высоты поднятых рук, затем уже — поваленное [Леонов Г.А., Леонова Т.Г., 2009, с. 164]. При валке деревьев в ветреную погоду могли применять специальные клинья, видимо, только с помощью пилы, а также «шатицу» — длинную жердь [Там же]. Валить старались в южную сторону, так как дерево при росте чаще туда накло-

няется [Глушенко, 2016, с. 119]. Бревна хранили на «подмостках» (прокладках из жердей), закатывая их по «слизам» (более толстым жердям), в один или несколько рядов [Там же, с. 119–120; Леонов Г.А., Леонова Т.Г., 2009, с. 164].

Срубленные бревна сразу окоряли и оставляли в лесу сушиться до зимы, затем их вывозили на место строительства [Леонов Г.А., Леонова Т.Г., 2009, с. 164, 165, 230; Сабурова, 1971, с. 60]. Вывозили вплоть до марта [Леонов Г.А., Леонова Т.Г., 2009, с. 230], но в основном до Рождества, так как проще было возить по малому снегу [Там же, с. 165; Сабурова, 1971, с. 60].

Дранье было принято заготавливать весной [Леонов Г.А., Леонова Т.Г., 2009, с. 165], вероятно, «по соку» оно легче колется. Использовали для этого лиственницу, сосну и даже ель [Глушенко, 2016, с. 141; Леонов Г.А., Леонова Т.Г., 2009, с. 166]. Для расщепления пользовались крюком [Глушенко, 2014, с. 20; Сабурова, 1971, с. 63], но можно было заменять его на топор [Леонов Г.А., Леонова Т.Г., 2009, с. 166]. Для дранья требовалась только прямослойная древесина. Поэтому для проверки прямослойности дерево немного зарубали и откалывали: если ровно откалывается, значит, можно его использовать [Глушенко, 2016, с. 141]. Еще один способ проверки был связан с рассматриванием трещин на нижних высохших деревьях. Трещины должны были быть прямые [Глушенко, 2015, с. 19]. Для получения дранья существовал следующий раскрой: вначале бревно раскалывали радиально на четвертины — «гонты», затем их раскалывали в тангенциальном направлении [Там же, с. 20; Глушенко, 2016, с. 141; Сабурова, 1971, с. 63]. Для расщепления бревна в торце топором намечали щель, в которую заколачивали деревянные клинья, пользуясь деревянной колотушкой с длинной рукояткой, до полного расщепления [Глушенко, 2014, с. 20]. Гонты расщепляли уже при помощи крюка. Драть надо было вдвоем, один работал крюком, другой подбивал клин деревянной колотушкой [Глушенко, 2015, с. 19]. После колки дранья его необходимо было уложить «треугольником» (в три стенки) и придавить чем-то тяжелым [Глушенко, 2014, с. 20]. У Г.А. Леонова встречается более сложная схема укладки дранья для сушки: дранье уложено не рядами на прокладках, а двумя стопками, между которых дополнительно вложено наискосок, как бы по диагонали [Глушенко, 2016, с. 141; Леонов Г.А., Леонова Т.Г., 2009, с. 160]. Сушка дранья могла продолжаться даже нескольких лет [Леонов Г.А., Леонова Т.Г., 2009, с. 166]. Подробное описание технологии изготовления дранья изложено в другом исследовании автора, где помимо устных сведений приведены анализ инструментария и описание серии экспериментальных работ [Глушенко, 2022, с. 119–128].

Плахи и тес заготавливали зимой на месте постройки избы [Там же, с. 166], тес — с Крещения, плахи — позже [Там же, с. 165]. Чем отличались плахи от теса в представлении илимских крестьян, выяснить затруднительно. Предположим, что плахи были толще, и так могли называть полубревна. Заготовка их в зимнее время на месте постройки говорит о том, что использовали уже подсушенный и недавно привезенный лес. Кололи его с применением топора и клиньев [Там же, с. 166]. Тес — обязательно тесанное топором, от чего его так и именовали. В среднем за день работы получалось изготовить 50 аршин (35,55 м) теса, «спец 80 жарит в день» [Там же, с. 166].

Для изготовления теса на рубеже XIX и XX вв. применяли и пилу. По данным Г.А. Леонова, в девяти деревнях Верхнего Илима пилы появлялись в период с 1860-х по начало 1900-х гг. [Там же, с. 167]. Тес пилили маховой пилой на специальных козлах [Глушенко, 2014, с. 20; Леонов Г.А., Леонова Т.Г., 2009, с. 100] высотой около 2 м. Чтобы бревно хорошо лежало на козлах, его обтесывали сверху и снизу топором [Глушенко, 2014, с. 20]. Пилили по разметке, которую «отбивали шнуром... натирали... сажей, а потом натягивали» и отпускали, после чего оставалась ровная черная линия. Чтобы закрепить шнур на бревно, к обоим его концам крепили грузила, если отбивал один человек. Грузило представляло собой любую подходящую железку, «чтобы она придавила, не слетала» [Глушенко, 2016, с. 110, 119]. В день могли напилить 120 аршин (85,3 м) теса [Подскачина, 1985, с. 11]. Перестали пользоваться продольной пилой в середине XX в. [Глушенко, 2016, с. 119].

Для утепления использовали мох, иногда при монтаже оконных коробок подкладывали немало пакли [Леонов Г.А., Леонова Т.Г., 2009, с. 173]. Илимские крестьяне различали несколько видов мха: «желтый — мохнатый и толстый»; «красенький — тоненький»; «белый — толстый, не годится, твердый, сохнет скоро» [Там же, с. 166]. Делили мох также на озерный и ельничный — по местам произрастания. Вероятно, под белым имеются ввиду сфагновые мхи, которые действительно крошатся во время сушки и растут у водоемов, хотя не являются твердыми. В состав ельничного входят различные виды мха, которые зачастую растут смешанно. Интересно, что в Тайшетском районе, напротив, отдавали предпочтение сфагнуму: «самый лучший мох сфагман — болотный, где багульник растет» [Подскачина, 1986, с. 37].

На самом деле у крестьян не было единого мнения о том, какой мох следует использовать. Кто-то считал белый мох более подходящим, так как он «прядистый и крепкий» [Леонов Г.А., Леонова Т.Г., 2009, с. 230], а кто-то избегал его из-за излишней тяжести и способности прорастать, поэтому предпочитал ельничный [Там же, с. 166].

Сруб начинали рубить спустя небольшое время после транспортировки бревен — в конце зимы и в начале весны, чаще в марте, на окончание Великого поста [Там же, с. 168–169]. Могли рубить и летом [Сабурова, 1971, с. 61]. Полный срок строительства дома от заготовки леса до окончания отделки в Кежемском районе составлял более двух лет [Подскачина, 1985, с. 11]. Если при строительстве были один «установщик» и четыре помощника (по числу углов), то норма рубки составляла два венца в день. Таким образом, «стопу» (сруб) ставили за 10 дней. Сооружение пола, подполья, обвязки, матицы занимало еще 20 дней [Там же, с. 11].

В то время очень редко употребляли фундамент, выкапывали канавку по периметру будущих стен и туда укладывали окладной венец [Леонов Г.А., Леонова Т.Г., 2009, с. 168–169]. При неровностях сооружали «подставку» [Там же, с. 169] — вероятно, это половинчатый (не по всему периметру) окладной венец, используемый при больших перепадах высот на строительном месте. В качестве фундамента применяли зарытые пни либо чурки [Глушенко, 2014, с. 21; Леонов Г.А., Леонова Т.Г., 2009, с. 169], которые могли ориентировать даже горизонтально [Сабурова, 1971, с. 61]. Окладник в основном рубился из сосны, позже — также из лиственницы [Леонов Г.А., Леонова Т.Г., 2009, с. 170], так как она обладает большей долговечностью, «две-три сосны передюжит» [Сабурова, 1971, с. 61]. Для повышения долговечности древесины окладной венец иногда обжигали [Подскачина, 1985, с. 11]. После укладки окладника проверяли прямоугольность с помощью шнура, натягивая его по диагонали и добивались равного расстояния между ними [Глушенко, 2014, с. 21].

В Приангарье использовали только четыре вида угловых соединений бревенчатых стен. Рубка «в охряпку» чаще применялась в качестве более простого, но крепкого соединения. Бревна такой рубки имеют прямоугольные углубления и сверху и внизу, из-за чего углы получались более продуваемыми, чем все остальные. Еще одно холодное соединение называлось «в лапу» [Глушенко, 2015, с. 61]. Бревна соединяются так же, как и «в охряпку», только не имеют остатка («зауголка»), поэтому, чтобы они держались в соединении, использовались шип и паз. Отсутствие остатка позволяло сэкономить на длине бревен. Наиболее ходовой была рубка «в угол» [Сабурова, 1971, с. 61]. Бревна имеют остаток, для их соединения выбиралось полукруглое углубление только в верхней части бревна. Четвертый вид называется рубка «в крюк» — самое сложное соединение. Оно такое же, как и «в угол», но в самом углублении имеется шип, напоминающий зуб, который дополнительно укрепляет угол: «его не растащишь, бревно положил, оно уже никуда не денется» [Глушенко, 2014, с. 23]. Г.А. Леонов отметил в конце 1920-х гг., что рубка «в крюк» — более позднего появления, но все больше входит в обиход [Леонов Г.А., Леонова Т.Г., 2009, с. 205]. При такой рубке требовалось обязательно протесывать всю внутреннюю сторону стен, не трогая только зауголки, выступающие наружу.

В рассматриваемый период бревна для домов и амбаров перед укладкой в сруб [Царев В.В., Царев В.И., 2015, с. 66] старались подготавливать «под черту» [Глушенко, 2016, с. 120], имея в виду обтесывание топорами и выскабливание скобелем с целью выравнивания толщины комля и вершины. Строительные леса называли «сходы» [Там же, с. 120]. В среднем сруб избы состоял из 11–15 венцов [Сабурова, 1971, с. 61], в зависимости от калибра используемых бревен. Если требовалось перевезти сруб, бревна «пятнали» топором, т.е. наносили маркировку зарубками с наружной стороны [Глушенко, 2016, с. 120].

Мхом изба прокладывалась как во время укладки бревен сруба, так и после [Леонов Г.А., Леонова Т.Г., 2009, с. 174]. Чтобы более равномерно распределить мох между бревен, конопатку производили еще по мере укладки венцов [Глушенко, 2016, с. 110, 119]. Второй раз старались конопатить через 2–3 года [Лебединский, 1929, с. 112].

Толщину пола и потолка старались выдерживать в 2 вершка (8,89 см) [Леонов Г.А., Леонова Т.Г., 2009, с. 230] и врубали их прямо в стены. Для этого использовали поддерживающие балки, также врубленные в стены. Балка пола называлась «перевод», потолочная балка — «матка» [Сабурова, 1971, с. 61]. В стенах, параллельных балкам, на одной высоте вынимали «череп» (четверть), чтобы можно было уложить на них полубревна [Там же]. «Переводов» могло быть несколько, как, впрочем, и «маток». Если изба очень большая, две «матки» укладывали друг на друга и скрепляли двумя железными болтами [Леонов Г.А., Леонова Т.Г., 2009, с. 172]. Позже в самой потолочной балке с двух сторон начали выбирать четверти, называя их «шпунтом» [Сабурова,

1971, с. 61], чтобы использовать материал для перекрытия небольшой длины: при этом один конец потолочины опирался на стену, а второй — на получившуюся четверть в «матке». Иногда балки пола дополнительно подпирали столбами в центре для предотвращения провисания. Полубревна пола между собой могли скрепляться деревянными нагелями [Там же, с. 61]. Полубревна потолка иногда дополнительно скрепляли в четверть. Это было нужно для предотвращения осыпания земли с потолка через щели. Если потолочины не имели особых соединений, то в стыках перед засыпкой землей прокладывали ржаную солому [Глушенко, 2015, с. 14] либо мох [Глушенко, 2016, с. 121]. Засыпка землей требовалась для утепления потолка. Толщина земляного покрова варьировала от 10 см до «четверти с верхком» (22,15 см) [Леонов Г.А., Леонова Т.Г., 2009, с. 172, 213; Глушенко, 2016, с. 121].

В качестве засыпки использовался любой плотный грунт. В деревнях, стоявших на суглинках, использовали землю, полученную при рытье подполья [Глушенко, 2015, с. 14]. В случае с супесчаным грунтом использовали только верхний, гумусированный слой [Глушенко, 2014, с. 24]. Для облегчения поднятия земли к срубу пристраивали приспособление, напоминающее по устройству подъемный механизм колодца-журавля. К жерди привязывали бочку или короб и поднимали таким образом землю на потолок, пока дом был еще без крыши [Глушенко, 2016, с. 121]. В д. Московской старожилы поднимали землю при помощи деревянного корыта, которое затаскивали по покатам на сруб [Глушенко, 2020, с. 37]. Глубина подполья была в пределах 1–3 аршина (0,711–2,133 м) [Леонов Г.А., Леонова Т.Г., 2009, с. 175]. Подполье могли выкапывать и перед рубкой избы, так как в него заранее вставляли сруб [Там же].

Над потолочным перекрытием укладывали еще 1–2 венца — «обгон» [Сабурова, 1971, с. 61]. Если крышу делали стропильной, то на «обгон» опирали стропила, как напрямую, так и через горизонтальные затяжки. Более ранняя конструкция крыши является самцово-слежной, т.е. фронтоны делались из бревен и визуально сливались с торцевыми стенами. Между бревнами фронтона, который в регионе называли «вывод» [Леонов Г.А., Леонова Т.Г., 2009, с. 170], врубали «слеги», имеющие дополнительные выпуски до 0,5 м [Сабурова, 1971, с. 62]. По количеству «слег» одного ската крыши на р. Илим можно было определить давность сооружения — «крыши семериком, в старину больше девятирок, теперь пятирок, а больше стропила» [Леонов Г.А., Леонова Т.Г., 2009, с. 171]. Верхняя слега называлась «князёк» [Там же, с. 170].

Если рубили крышу на потоках и курицах, то в «обгоне» и одной-двух нижних слегах делали выемки для крепления куриц — стволов лиственниц, выкопанных с одним загнутым корневищем [Сабурова, 1971, с. 61]. На них укладывали желоб, выдолбленный пазниками [Там же, с. 62], для долговечности его изготавливали из лиственницы [Леонов Г.А., Леонова Т.Г., 2009, с. 171]. Существовало два варианта установки желоба. Первый традиционный: «желоб-выдра» укладывался почти горизонтально и заодно играл роль водотечника. При втором — «желоб-выливной» устанавливался почти вертикально, т.е. его задачей было только удерживание кровли, воду он не собирал, зато концы кровли не гнили. Второй способ на Илеме появился в начале XX в. [Там же, с. 171].

Тесом стали крыть избы позже [Там же], видимо, как только начали его пилить продольной пилой. Укладывали его в два ряда, предварительно выстругав ближе к краям дорожки-углубления для сбора воды. Дранье также укладывали минимум в два ряда. Старый способ укладки предусматривал, что нижний слой будет сплошным, а верхний — редким, дранье верхнего слоя должно закрывать только стыки нижнего слоя. В бытность Г.А. Леонова дранье стали укладывать наоборот [Там же, с. 172]. Крестьяне в Тайшетском районе считали, что под дранье может попадать снег, но не дождь, а при покрытии тесом — наоборот [Подсочина, 1986, с. 17]. Иногда перед укладкой дранья крышу крыли «лубью» — корой лиственницы, которую можно было снять с дерева большим листом в июне — июле [Глушенко, 2016, с. 141]. Иногда для этого использовали бересту [Царев В.В., Царев В.И., 2015, с. 66]. Для того чтобы кровля держалась крепко, ее придавливали сверху «коньком» [Леонов Г.А., Леонова Т.Г., 2009, с. 170] с выдолбленным низом. Название связано с оформлением в виде резной головы коня. Изготавливали конек преимущественно из лиственницы, но использовали и сосну [Там же, с. 171].

Существовал вариант временной крыши, которую часто делали бедняки. На потолок с двух сторон укладывали по 1–2 чурки, на них бревно, которое играло роль князевой слеги, затем крышу крыли драньем, а в верхней части придавливали коньком [Лебединский, 1929, с. 113].

При возведении сруба оконные проемы могли делать сразу [Там же, с. 205], либо вырубали их позже, по предварительно сделанным запилам в верхнем бревне будущего проема [Там же, с. 173; Сабурова, 1971, с. 61]. Прежде чем вставить окно или двери, требовалось установить

коробку. Боковые косяки назывались «стояки» или «колодины», верхний косяк — «вершина», нижний у окон — «подушка», у дверей — «порог» [Леонов Г.А., Леонова Т.Г., с. 174; Сабурова, 1971, с. 63]. Для «подушки» использовали лиственницу, для остальных косяков — сосну [Глушенко, 2016, с. 121]. «Порог» и «подушка» могли вырубаться прямо в нижнем бревне проема [Глушенко, 2014, с. 18, 26]. С учетом усадки сруба оставляли специальный зазор между «вершиной» и бревном, перекрывавшим проем. Зазор делался с запасом, поэтому снаружи его закрывали наличниками, а изнутри — «набровниками» [Леонов Г.А., Леонова Т.Г., 2009, с. 170], предварительно проложив туда мох.

Волоковые окна с заслонкой на избах начали исчезать во второй половине XIX в. [Там же, с. 173]. До конца XIX в. еще сохранялось применение дверей «на стягах», без металлических крепежных элементов. Двери имели штырьки, называемые «верхняя и нижняя пятка» [Там же, с. 173, 206]. Эти штырьки вставлялись в углубления в «пороге» и «подушке», которые здесь называли «кобылками» [Там же, с. 174].

Во время монтажа «подушки» между ней и бревном прокладывали мох, изредка паклю, некоторые — только бересту для гидроизоляции [Там же, с. 173]. Рамки для окон делали «обычно с простым сцеплением или в ус» [Там же, с. 206]. Стекла в них вставляли в «шпунт» [Сабурова, 1971, с. 63] — узкий паз, выбранный специальным рубанком шпунтгребелем.

Стекло появилось в Приилимье в 1870–1880-х гг. [Леонов Г.А., Леонова Т.Г., 2009, с. 175]. До этого в данной местности использовали в лучшем случае слюду. Вероятно, благодаря близости к Байкалу, где добывали эту слюду, окна нашего региона еще с XVII в. были значительно больше, чем в Европейской России [Сабурова, 1971, с. 63]. Также на окна натягивали «брюшину» [Там же] либо «оклеянку», «серянку», представляющую собой изношенную ткань, обмазанную еловой серой [Глушенко, 2014, с. 161, 173]. Брюшиной, судя по записям этнографов, называли часть кожи с живота коровы, а также часть желудка, которую оскабливали, вымывали и сушили, натягивая на выпрямители. Чтобы можно было смотреть на улицу, в ней прокалывались маленькие дырочки [Подскачина, 1985, с. 5, 9]. Крепили с помощью трех перекрещенных лучин [Подскачина, 1986, с. 33].

На Илиме ставни были не на всех избах, вместо них часто использовали «ковры», сплетенные из ржаной соломы и перебранные конопляной веревкой. Ими закрывали окно снаружи, припирая палками [Леонов Г.А., Леонова Т.Г., 2009, с. 174].

Во внутреннюю отделку дома входила протеска стен, изготовление опечка, лавок, кроватей, столов, перегородки [Сабурова, 1971, с. 64]. Скамьи входили в пазы стен [Там же, с. 206] и, вероятно, могли монтироваться, как и перекрытия, во время рубки стен. Часто бревна протесывали после рубки сруба и только в средней части стены (по высоте) [Там же, с. 205]. Так как топор с прямым (в плоскости лезвия) топорщиком не годился для тесания внутри помещения, использовали «кривой» топор [Там же, с. 229], с изогнутым топорщиком, во время работы которым руки не задевали бревна.

В контексте строительной культуры удалось выявить элементы, связанные с традиционными верованиями. Например, во время закладки окладного венца под его угол клали монеты [Там же, с. 204–205] в качестве строительного приклада. По завершении некоторых конструктивных этапов было принято устраивать гуляния. Так, отмечали «поднятие матки» [Глушенко, 2014, с. 19; Леонов Г.А., Леонова Т.Г., 2009, с. 127] и «вершение» [Там же, с. 21], т.е. установку конька. Гуляли и по поводу битья печи, для чего обязательно созывались помочи [Там же, с. 21; Сабурова, 1971, с. 64], и на новоселье [Глушенко, 2014, с. 24]. Домового на Илиме называли «бусетка» [Леонов Г.А., Леонова Т.Г., 2009, с. 111], в Братском районе — «суседка» [Глушенко, 2014, с. 24].

Исходя из вышеописанного массива информации можно сделать вывод, что в рассматриваемых районах Приангарья среди старожильческого населения локальных вариаций в плотницких технологиях не было. Отличия наблюдаются лишь в строительных терминах. Также они могли быть в обрядовой части, что пока затруднительно выявить из-за недостатка информации по духовной составляющей строительной культуры Приангарья.

Довольно широкие хронологические рамки исследования позволили в какой-то степени проследить эволюцию плотницких технологий, связанную с внедрением более передового инструмента. Катализатором таких обновлений, по мнению самих старожилков, являлись ссыльные мастера, которые и вводили новые технологии. Стоит допустить, что местные плотники могли проявлять консерватизм, так как достигли совершенства во владении давно существующими приемами. Тем более, что экономия древесины, связанная с усовершенствованием технологий, не требовалась в

регионе, богатом строительным лесом. Во многом именно этим можно объяснить, что в Приангарье долгое время использовалось довольно много архаичных элементов деревянного архитектуры.

Таким образом, исследование позволяет предположить, что уровень технологии плотницкого ремесла в большей степени зависел от количества доступных лесных ресурсов. Поэтому выявленное в регионе единообразие технологических приемов может быть значительно шире рассматриваемых географических рамок.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ащепков Е.А. Русское народное зодчество в Восточной Сибири. М.: Гос. изд-во по строительству и архитектуре, 1953. 279 с.

Глушенко М.А. Опыт проведения этнографических экспедиций БГОМ // Братская земля: от истоков до города. Братск: Изд-во Брат. ун-та, 2017. С. 26–31.

Глушенко М.А. Технология изготовления «дранья» в Приангарье // Известия Архитектурно-этнографического музея «Тальцы». 2022. Вып. 12. С. 119–128.

Глушенко М.А., Федоров Р.Ю., Жарников З.Ю., Мыглан В.С. Архитектура крестьян-переселенцев первой четверти XX в. в Среднем Приангарье по данным комплексного историко-дендрохронологического анализа // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2022. № 4 (59). С. 200–208.

Лебединский Б.И. Из наблюдений над крестьянским зодчеством Иркутского округа. Дер. Грановщина // Сибирская живая старина. Иркутск: Власть труда, 1929. Вып. VIII. С. 109–118.

Леонов Г.А., Леонова Т.Г. Народная культура Илимского края: по архивным материалам рубежа 1920–1930 гг. Омск: Амфора, 2009. 456 с.

Майничева А.Ю., Глухих Е.И. Особенности заселения Нижнего Приангарья и северорусские традиции в строительном деле русских старожилов-ангарцев // Вестник Новосиб. ун-та. 2013. Т. 12. Вып. 3. С. 214–223.

Сабурова Л.М. Культура и быт русского населения Приангарья: конец XIX — XX в. Л.: Наука, 1967. 280 с.

Сабурова Л.М. Русское население Приангарья // Быт и искусство населения восточной Сибири: В 2 ч. Ч. 1: Приангарье. Новосибирск: Наука, 1971. С. 28–71.

Царев В.В., Царев В.И. Описания крестьянских домов Нижнего Приангарья исследователями в XIX — начале XX в. // Баландинские чтения. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. архит.-худ. акад., 2015. Т. X. Ч. 2. С. 64–70.

ИСТОЧНИКИ

Глушенко М.А. Отчет о полевых этнографических исследованиях в Братском районе Иркутской области в 2013 году. Братск. 2014 // БГОМ: Брат. гор. объединенный музей.

Глушенко М.А. Отчет о полевых этнографических исследованиях в Братском районе Иркутской области в 2014 году. Братск. 2015 // БГОМ: Брат. гор. объединенный музей.

Глушенко М.А. Отчет о полевых этнографических исследованиях в Братском районе Иркутской области в 2015 году. Братск. 2016 // БГОМ: Брат. гор. объединенный музей.

Глушенко М.А. Отчет о полевых этнографических исследованиях в Братском районе Иркутской области в 2020 году. Братск. 2021 // БГОМ: Брат. гор. объединенный музей.

Подскачина Е.Ю. Полевой дневник экспедиции в Кежемский, Богучанский, Тайшетский и Чунский районы в 1985 г. // БГОМ: Брат. гор. объединенный музей. Ф. 38. Оп. 1.

Подскачина Е.Ю. Полевой дневник экспедиции в пос. Кондратьево Тайшетского района в 1986 г. // БГОМ: Брат. гор. объединенный музей. Ф. 38. Оп. 1.

Glushenko M.A.

Bratsk Joint City History Museum of Mastering Angara River
Komsomolskaya st., 38, Bratsk, 665717, Russian Federation
E-mail: Gromov_1@mail.ru

Building technologies of the Angara region in the end of the 19th — first half of the 20th century based on the oral information of old-timers

For the study of building technologies, the most valuable material is the oral information of old-timers-carpenters. In the Angara region, quite a lot of such sources have been assembled by ethnographic expeditions since the 1920s. Therefore, for this region it is possible to examine the complete technological range of traditional construction in the late 19th — first half of the 20th century. The opinion of the old-timers themselves has been brought about the reason for the change in building technologies, the time of the appearance of new tools and technologies, production standards, as well as about the ways to determine the relative age of buildings based on their design and materials. The oral information on construction techniques systematized in the article suggests that the level of carpentry skill depended more on the abundance of the source base of building materials, and to

a lesser extent on the availability of advanced tools. The study also allowed determining a uniform set of construction techniques, the geographical boundaries of which may be wider than the territory under consideration.

Keywords: Angara region, wooden architecture, building culture, craft, carpentry technologies.

REFERENCES

Ashchepkov, Ye.A. (1953). *Russian folk architecture in Eastern Siberia*. Moscow: Gos. izd-vo po stroitel'stvu i arkhitekture. (Rus.).

Glushenko, M.A. (2017). The experience of conducting ethnographic expeditions of the BGOM. *Bratskaya zemlya: ot istokov do goroda*. Bratsk: Izd-vo Brat. un-ta, 26–31. (Rus.).

Glushenko, M.A. (2022). Manufacturing technology of "dranja" in the Angara region. *Izvestiya Arhitekturno-etnograficheskogo muzeya «Tal'cy»*, (12), 119–128. (Rus.).

Glushenko, M.A., Fedorov, R.Yu., Zharikov, Z.Yu., Myglan, V.S. (2022). Architecture of migrant peasants of the first quarter of the XX century in the Middle Angara region according to a comprehensive historical and dendrochronological analysis. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (4), 200–208. (Rus.). http://www.ipdn.ru/_private/a59/200-208.pdf

Lebedinskiy, B.I. (1929). From observations on peasant architecture of the Irkutsk district. *Granovshchina. Sibirskaya zhivaya starina. Vyp. VIII*. Irkutsk: Vlast' truda, 109–118. (Rus.).

Leonov, G.A., Leonova, T.G. (2009). *Folk culture of the Ilim region: based on archival materials of the turn of 1920–1930*. Omsk: Amphora. (Rus.).

Maynicheva, A.Yu., Glukhikh, Ye.I. (2013). Features of settlement of the Lower Angara region and North Russian traditions in the construction business of Russian old-timers-Angarians. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta*, (3), 214–223. (Rus.).

Saburova, L.M. (1967). *Culture and life of the Russian population of the Angara region*. Leningrad: Nauka. (Rus.).

Saburova, L.M. (1971). The Russian population of the Angara region. In: *Byt i iskusstvo naseleniya vostochnoj Sibiri: v 2 ch. Ch. 1: Priangar'e*. Novosibirsk: Nauka, 28–71. (Rus.).

Tsarev, V.V., Tsarev, V.I. (2015). Descriptions of peasant houses of the Lower Angara region by researchers in the XIX — early XX century. In: *Balandinskiye chteniya. T. X. Ch. 2*. Novosibirsk: Izd-vo Novosib. gos. arkhitekhd. akad, 64–70. (Rus.).

Глушенко М.А., <https://orcid.org/0000-0002-0991-9422>

Сведения об авторе: Глушенко Михаил Александрович, кандидат исторических наук, заместитель директора по научной работе, Братский городской объединенный музей истории освоения Ангары, Братск.

About the author: Glushenko, M.A., Candidate of Historical Sciences, Deputy Director for Research, Bratsk Joint City History Museum of Mastering Angara River, Bratsk.

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 19.12.2024

Article is published: 15.03.2025